

Му Цинли, даже не имея в те времена никого, кто был бы ему по-настоящему дорог, каким-то непостижимым образом с самого начала научился отличать одно от другого. Позже, когда его отец понял, что наставления не приносят плодов, он оставил попытки повлиять на сына.

Сам Му Цинли относился к своей ориентации прямо и открыто, не видя в этом ничего предосудительного, а потому и не считал нужным скрывать её от окружающих. Позже, когда они с юным учеником официально стали даосскими спутниками, ему случалось невольно слышать пересуды за своей спиной.

Чаще всего говорили о том, что люди вроде них вызывают отвращение и чувство брезгливости.

Но он искренне любил своего младшего ученика и был готов вынести всё это ради него. Поэтому, когда пришло известие о предательстве, его внутреннее потрясение оказалось куда сильнее, чем то, что он показывал внешне.

Лишь когда он случайно раскрыл тайну юноши и последовал за ним в этот мир, обнаружив, что его истинные мысли и поведение сильно разнятся, капля гнева из-за предательства начала понемногу угасать.

А теперь...

— Господин Му? — Му Цинли, скрывавшийся в тени и подслушивавший разговор, был обнаружен проходившим мимо евнухом, что тут же привлекло внимание вдовствующей императрицы Лян и Е Фанчэна.

Увидев, как он безмолвно выходит из темноты, вдовствующая императрица Лян с загадочным выражением лица приподняла бровь, а Е Фанчэн лишь помрачнел, не проронив ни слова.

Выражение лица Му Цинли было пугающе мрачным. На мгновение Е Фанчэну показалось, что стоящий перед ним человек готов броситься вперед и утянуть его с собой в ад.

Спустя долгое время Е Фанчэн, стоя на месте со сцепленными за спиной руками, произнес, не приближаясь:

— Раз уж ты всё слышал, я воспользуюсь случаем, чтобы расставить все точки над *i*, чтобы тебе больше не пришлось докучать мне своим присутствием.

[Я больше не могу это терпеть.]

— Му Цинли, слушай внимательно: ты был лишь пешкой, которую я использовал, чтобы взойти на престол.

Слушая, как два разных голоса — один в голове, другой в реальности — слегка накладываются друг на друга, Му Цинли не успел даже сжать руки в кулаки, как в голове раздался еще один голос, холодный и полный возмущения.

[Этот император-негодяй совсем потерял стыд.]

— ...? — Му Цинли слегка повел ухом и внезапно поднял взгляд.

— Ох, ну ведь он подонок...

Перед ним Е Фанчэн продолжал говорить с выражением отвращения, хотя в его взгляде читалась едва уловимая отстраненность:

— Я никогда не питал к тебе чувств и даже считал твою слабость крайне раздражающей. С самого начала меня интересовали лишь женщины. Если бы не влияние клана Му, думаешь, ты был бы хоть чем-то мне интересен?

[...Этот император-негодяй — просто ничтожество.] — в холодном голосе слышалось презрение.

— Посмотри на свое распутное поведение. Знаешь ли ты, как мучительно мне было заставлять себя касаться тебя?

— Наконец-то! Столько репетиций, и вот эти слова наконец-то сказаны идеально! Запомнил хорошо, чувства переданы верно! — радостно ликовал тонкий детский голосок.

[Как в этом мире может существовать настолько бесстыдный мужчина?!] — Если бы у внутреннего голоса были руки, Му Цинли сейчас наверняка услышал бы, как тот в ярости бьет по столу.

Непонятно почему, но хотя ругался Е Фанчэн, тон этого внутреннего голоса, дрожащего от гнева, был таким, будто именно его сейчас оскорбляли. Особенно последняя фраза — эхо ярости и неверия всё еще отдавалось в голове Му Цинли.

[Просто тошнотворно, этот император — настоящий мерзавец.]

Му Цинли за короткое время пережил столь странную смену эмоций, что на мгновение даже растерялся. Его ошеломленное выражение лица как нельзя лучше соответствовало реакции человека, услышавшего подобные слова от Е Фанчэна.

Со стороны он выглядел как человек, чье сердце было разбито, а все чувства отданы недостойному псу.

Значит, то, что изначально говорил младший ученик, относилось... к нему самому?

Вскоре Е Фанчэн, закончив свою тираду, внезапно сбавил тон, и после долгого молчания в его голове прозвучал робкий вопрос.

[...Я ведь теперь не умру мучительной смертью, правда?]

Этот запоздалый тон, эта подавленность после того, как он вылил всю желчь, эта жалобная обида, будто его вот-вот бросят...

Неизвестно почему, но Му Цинли словно увидел перед собой холодного, сдержанного мужчину, который сейчас понуро опустил голову. Он не сдержался и тихо рассмеялся.

— Пф-ф.

Е Фанчэн, ожидавший упреков в жестокосердии: — ?

Все остальные в зале, ожидавшие драмы: — ...?

— Хорошо, я всё понял. Сейчас же уйду и больше не буду докучать вам, — Му Цинли многозначительно улыбнулся, посмотрел на Е Фанчэна и, притворяясь раненым, развернулся и медленно скрылся из виду.

Тишь да гладь.

Е Фанчэн пребывал в замешательстве, как вдруг снова услышал детский голосок:

— Поздравляю, уровень удовлетворенности Изначального духа цели поднялся до восьмидесяти пяти процентов.

Е Фанчэн: — ...

Хотя прогресс был ожидаемым, ситуация развивалась совсем не так, как он предполагал.

...И правда, сумасшедший, от которого одна головная боль.

Му Цинли: Не волнуйся, в следующий раз я буду действовать мягче.

Дуаньму Бо: ?

Первый мир (тринадцать)

Клан Му, передний двор.

Полноватая фигура мужчины средних лет расхаживала взад-вперед, то поднимая голову к пасмурному небу, словно предвещающему дождь, то опуская её и тяжело вздыхая. Казалось, тревоги последних дней оставили на его лице глубокие морщины.

Му Цюаньсун уже два дня не видел раненого Му Цинли.

Учитывая, что того оставили во дворце, он не на шутку опасался, что над сыном могут издеваться.

Он только принял решение лично отправиться во дворец, чтобы забрать сына домой, как увидел, что Му Цинли нетвердой походкой входит в ворота.

Неизвестно, что пришлось пережить Му Цинли, но его лицо было бледнее обычного. Пот приклеил пряди волос к щекам, делая его вид еще более жалким и измученным, что вызывало невольную жалость.

— Ли-эр! — Му Цюаньсун, обрадовавшись, тут же сменил гнев на милость, — Что с тобой?..

Сказав это, он взглянул на ворота, которые слуги еще не успели закрыть, и, не увидев ни кареты, ни сопровождения, в шоке спросил: — Ты что, пришел пешком?

Му Цинли мягко и покорно улыбнулся: — Да, Его Величество выгнал меня из дворца.

Как единственный сын, Му Цинли с детства был окружен заботой, и даже если он порой проказничал, Му Цюаньсун не мог поднять на него руку. Его изящество казалось таким хрупким, словно фарфоровая кукла, которая могла разбиться от одного неосторожного движения, и которую нужно было беречь.

— Это уже ни в какие ворота не лезет! Ты получил ранение на его банкете, и если уж он решил тебя выгнать, то хотя бы мог позаботиться о том, чтобы тебя доставили домой! — Му Цюаньсун говорил с болью в голосе, а заметив необычное молчание сына, похлопал его по плечу: — Твой отец был слеп!

Он ведь поверил в искренность Е Фанчэна.

Му Цинли облизнул пересохшие губы и хрипло произнес: — Отец, Его Величество наговорил мне много ужасных вещей.

В такие моменты его спокойствие лишь сильнее бредило душу.

Му Цюаньсун, не в силах сдержать негодование, принялся утешать его, в глазах его горел гнев: — Хорошо же, Е Фанчэн! К счастью, я прислушался к твоему предупреждению, и теперь, когда его лисья натура раскрылась, еще не слишком поздно!

Му Цинли опустил глаза, скрывая промелькнувшую в них улыбку, и тихо, послушно последовал за отцом во внутренние покои.

После этого случая как при дворе, так и среди знати стало известно, что Е Фанчэн окончательно разругался с кланом Му. Хотя никто точно не знал, что именно он сказал Му Цинли, то, с каким шумом он его выставил, не могло остаться незамеченным.

Вдовствующая императрица Лян, желая доказать «невинность» сына, тайком распространяла слухи о разладе, и вскоре вся столица судачила об этом.

Клан Му держался достойно, продолжая жить как ни в чем не бывало, совершенно не заботясь о чужих взглядах и пересудах.

Лишь Му Цюаньсун в зале аудиенций не скрывал своего недовольства Е Фанчэном. Если раньше он мог мягко возразить или обсудить решения императора наедине, то теперь он открыто высказывал всё прямо на глазах у всех, порой отчитывая Е Фанчэна как старший, что не раз ставило того в неловкое положение.

— Неслыханно! Клан Му совсем перестал считаться с моим авторитетом!

В кабинете Е Фанчэн устроил настоящий разнос, а когда выгнал всех слуг, сменил гнев на озадаченность и, тяжело вздохнув, опустил в кресло.

До этого момента они с Системой Небесной Книги продумали сотни сценариев, как реагировать на слезы и истерики Му Цинли. Но мало того, что ни один план не пригодился, ему теперь приходилось сражаться с Му Цюаньсуном, из-за чего он совсем потерял желание заниматься государственными делами.

Да и вообще, он не собирался быть императором.

— Я устал. Мне не стоило сюда приходить. Му Цинли — сплошная головная боль, я хочу домой,

— безжизненно произнес Е Фанчэн.

— Ха, и не мечтай. Задание выполнено наполовину, ты никуда не уйдешь, — проворчала Система Небесной Книги.

Е Фанчэн замолчал.

Он и сам понимал, что просто жалуется.

В дверь робко постучали. Е Фанчэн вздохнул и холодно бросил: — Входи.

Вошел его личный евнух. В руках он держал стопку свитков и бумаг, и его походка была такой неуверенной, словно он пришел не с докладом, а на съедение тигру.

Е Фанчэн нахмурился: — Что еще?

Евнух, задержав дыхание, дрожащими руками протянул свитки: — Это... это книги, написанные тем самым молодым господином из клана Му.

Е Фанчэн удивленно принял их: — Он просил передать их мне?

— Нет, просто... поскольку содержание касается Его Величества, министры посовещались и решили, что вам стоит взглянуть, — прошептал евнух.

Е Фанчэн, озадаченный, отпустил слугу и принялся неспешно читать.

Вскоре он понял, почему евнух так боялся встречи с ним.

Читая историю о встрече, знакомстве и развитии отношений героев, Е Фанчэн менялся в лице: то бледнел, то краснел от ярости.

Любому было ясно, что, не считая имен, книга в мельчайших подробностях описывала их историю. Е Фанчэн не понимал, как Му Цинли смог запомнить всё до единого слова, сказанного им десять лет назад, да еще и приукрасить всё так, что не подкопаешься.

Му Цинли не только намекнул на то, как с ним обошлись, но и довольно прозрачно описал их постельные сцены. И хотя деталей не было, нескольких намеков хватало, чтобы воображение читателя дорисовало остальное.

В конце книги Му Цинли излил свою печаль, описав свою любовь к Е Фанчэну так горько и пронзительно, что даже сам Е Фанчэн невольно проникся сочувствием к герою книги.

Легко было представить, кого теперь будут жалеть люди.

Е Фанчэн, дочитав, почувствовал, как мир поплыл перед глазами. От ярости у него опустились руки, и после долгого молчания он смог лишь прошептать сквозь зубы: — ...Му Цинли!

Хорошее воспитание не позволяло ему швыряться вещами.

— ...Эх, неудивительно, что тебя вечно дразнит этот господин, — прокомментировал детский голосок.

Он-то знал, что Му Цинли не так прост, как кажется, и не отступит. Даже если этот Му Цинли — лишь часть Изначального духа, он оставался самим собой, а значит, проблем не оберешься.

Как он мог с таким невозмутимым видом описывать то, чего никогда не было?

— Чего он добивается? В такое время у него есть силы заниматься этой ерундой? — Е Фанчэн посмотрел на шкалу энергии Изначального духа и не знал, радоваться ему или плакать.

С одной стороны, прогресс достиг восьмидесяти пяти процентов. С другой — Му Цинли вместо дела занимается писательством и сентиментальными глупостями.

В итоге Е Фанчэн снова вызвал Му Цинли во дворец.

В отличие от Е Фанчэна, чье лицо было темнее тучи, Му Цинли выглядел безмятежным и, увидев человека, который его отверг, даже нашел в себе силы сладко улыбнуться.

Прошло много дней, раны Му Цинли давно зажили. Он вовсе не выглядел так, будто от горя перестал есть и спать, как было описано в книге. Е Фанчэн даже подумал, что после ухода из дворца тот жил припеваючи и даже похорошел.

— Разве Ваше Величество не говорили, что не хотите меня видеть? Зачем же снова вызвали? — с вызовом спросил Му Цинли, держа в руках свиток.

Е Фанчэн скрипнул зубами, но снаружи сохранил холодное и невозмутимое выражение: — Ты сам знаешь, зачем я тебя позвал.

С этими словами он швырнул в сторону Му Цинли стопку книг.

Тот приподнял бровь, не меняясь в лице, поднял их и, подняв взгляд, многозначительно произнес: — Ваша привычка швырять вещи в людей, право, не делает вам чести.

Е Фанчэн не уловил скрытого смысла и спросил: — Какова цель этих историй, которые ты распространяешь по городу?

— Разве цель не очевидна? — парировал Му Цинли. — Я просто слишком сильно люблю Ваше Величество, не могу смириться с разлукой и ищу способ вернуться к вам.

Е Фанчэн был в шоке: — Ты всё еще хочешь быть со мной?

[У него что, мозги съели черви? Этот император — такой мерзавец, а он всё еще не оставляет надежды?]

Слушая возмущенный внутренний голос ученика, Му Цинли улыбнулся, хотя в его глазах промелькнула грусть: — Да. Хотя я и знаю, что вы всё это время лишь использовали меня, как я могу так просто вырвать из сердца свои чувства?

— Я искренне люблю вас и не прошу никаких титулов. Мне достаточно лишь того, чтобы оставаться рядом, — тихо сказал Му Цинли, и в его голосе было столько искренности, что трудно было отличить правду от лжи.

По крайней мере, Е Фанчэн поверил, потому что во взгляде собеседника читалось такое глубокое разочарование, что он невольно дрогнул.

— Ты... — Е Фанчэн указал на него пальцем, — Оставь эти мысли. Я никогда не приму твоих чувств.

— Я не люблю тебя! Я люблю нежных и мягких девушек!

Му Цинли развеселился от прямоты своего ученика, и, видя, как тот покраснел от гнева, его улыбка стала шире.

Он подошел к Е Фанчэну, взял его руку и положил себе на талию, слегка вскинув подбородок: — Нежный ли я и мягкий, Ваше Величество не узнает, пока не попробует?

Теперь у юноши покраснела не только шея, но и уши.

Такой чистый и невинный.

Е Фанчэн, словно обжегшись, отдернул руку и слегка толкнул его: — Ты... дерзость!

— Когда мы проводили ночи вместе, вы говорили совсем другое, — усмехнулся Му Цинли и протянул свиток, который держал в руках. — Кстати, пока вы звали меня во дворец, я как раз

закончил картину.

Это означало, что он хочет подарить её Е Фанчэну.

Е Фанчэн, поворчав, всё же принял свиток и развернул его.

В следующую секунду он пожалел, что вообще согласился принять подарок.

Точнее, он пожалел, что вообще вызвал Му Цинли!

Глядя на картину, где два мужчины в неглиже обнимались, Е Фанчэн так разволновался, что у него перехватило дыхание, и он совершил самый неэлегантный поступок в своей жизни — с яростью швырнул картину на пол.

Му Цинли сделал шаг вперед, его глаза сияли: — Если Ваше Величество не позволит мне остаться, в следующий раз эта картина попадет на глаза другим, и на ней будут наши лица.

Хотя он был чуть ниже Е Фанчэна, его уверенность была ничуть не меньше. Тон, в котором слышалась легкая насмешка, был не прямой угрозой, но звучал куда опаснее.

Е Фанчэн был настолько ошеломлен, что лишился дара речи. Даже внутри него воцарилась тишина. Он мог лишь гневно и беспомощно смотреть на него.

[Какое... бесстыдство!]

В конце концов, Е Фанчэн позволил Му Цинли остаться, хотя всячески выказывал свое отвращение и не желал находиться с ним в одной комнате. Му Цинли, напротив, вел себя непринужденно. Е Фанчэн выделил ему отдельную комнату, но каждую ночь Му Цинли находил способ пробраться к нему, и не только не уходил, но и не давал уйти самому императору.

Е Фанчэн, вынужденный жить с ним бок о бок, начал терять волосы от переживаний.

Му Цюаньсун при дворе стал еще более недоволен.

На самом деле, если не считать ночей, когда они спали в обнимку, в остальное время Му Цинли вел себя крайне сдержанно. Если они проводили время в кабинете, он не шумел, садился поодаль и читал или писал.

Иногда он вовсе исчезал, бродя по дворцовым уголкам или уходя домой, возвращаясь лишь к ужину или к ночи.

— Глупый ученик, — Му Цинли, сидя в кабинете клана Му, свернул письмо и привязал его к лапке почтового голубя, невольно улыбнувшись.

Конечно, он оставался во дворце не из безумной любви к Е Фанчэну. Ему нужно было изучить обстановку и расположение охраны. Кроме того, Е Фанчэн часто обсуждал важные дела с подчиненными или советовался с «детским голоском» о развитии «сюжета».

Находясь рядом с Е Фанчэном и используя чтение мыслей, он мог помогать Е Фанцзину, его матери и клану Му получать важную информацию.

А Е Фанчэн каждый день жаловался «детскому голоску», что Му Цинли безнадежен и никак не хочет осознать свое положение.

Убедившись, что никто не следит, Му Цинли выпустил голубя в небо.

Он прищурился: — Раз уж мой ученик так этого ждет, я, как наставник, просто обязан его порадовать.

Казалось бы, спокойные дни тянулись своим чередом.

В то время как Е Фанчэн беспокоился о прогрессе «мести» Му Цинли, Система Небесной Книги внезапно принесла ему радостную весть.

<http://bllate.org/book/22175/2310357>